

— Лонг Тяньхао!

Голос, доносившийся из-за его спины, был тем, который Лонг Тяньхао не узнал, но он чувствовал, что слышал его уже где-то раньше. Лонг Тяньхао остановился, перелезая через перила, а затем повернул голову назад, туда, откуда доносился голос.

Минг Шу пробежал весь путь до крыши здания, но хорошо контролировал свое дыхание, когда говорил, казалось, что он вообще почти не задышался.

Он протянул руку Лонг Тяньхао:

— Иди сюда!

Лонг Тяньхао вспомнил, что видел Минг Шу в Отделе по расследованию тяжких преступлений, его глаза покраснели, и он закричал:

— Что ты здесь делаешь?

Минг Шу осторожно подошел к Лонг Тяньхао.

— Если бы я не пришел, ты бы не спрыгнул оттуда?

— Я... — Настроение Лонг Тяньхао было нестабильным, его левая рука цеплялась за перила, когда он подсознательно ответил: — Я и не думал прыгать!

— Тогда отпусти перила! — резко выкрикнул Минг Шу. — Иди сюда!

Но Лонг Тяньхао не разжал руку, все еще цепляясь за перила и несколько раз поджав губы.

Было видно, что он боится.

Но этот страх не был страхом обычного человека, столкнувшегося с полицейским, а комплексом неполноценности и страхом, проецируемым изнутри молодым человеком с низкой самооценкой, столкнувшимся с более старшим, превосходящим его человеком того же пола.

Минг Шу не подавил собственную пугающую ауру, а наоборот подошел поближе:

— Это старый дом, перила покрыты ржавчиной, разве ты не любишь свою левую руку? Почему ты все еще держишься за эти перила?

Лонг Тяньхао рефлекторно отпустил руку при этих словах, и когда он посмотрел вниз, его ладонь была покрыта темно-красной ржавчиной.

Запекшаяся ржавчина была похожа на кровь, образуя карту глубоких и мелких следов на его руке.

Минг Шу увидел подходящий момент и рванулся вперед, полностью оторвав мужчину от перил, прежде чем Лонг Тяньхао успел среагировать.

Лонг Тяньхао яростно боролся, но Минг Шу был на голову выше его, и он не мог сравниться с ним в физической силе. Как только Минг Шу схватил Лонг Тяньхао, тот уже никак не мог вырваться на свободу.

Син Му, примчавшийся следом за Минг Шу, выглядел так, будто его сердце вот-вот выпрыгнет из горла.

— Капитан, что нам теперь делать?

Минг Шу провел Лонг Тяньхао обратно в съемную квартиру. Плотнo закрыв все окна и двери, он заметил рану на пальце Лонг Тяньхао и спросил:

— У тебя дома есть спирт и йод?

Лонг Тяньхао сидел на диване, опустив голову, и ничего не ответил.

Син Му достал из сумки небольшую квадратную коробку:

— Капитан, у меня здесь дезинфицирующие шарики.

Теперь Минг Шу вспомнил. Син Му был из тех людей, которые всегда носили с собой пропитанные спиртом ватные тампоны и дезинфицирующий спрей на всякий случай.

— Вымой руки и позаботься о своей ране, — Минг Шу бросил коробочку Лонг Тяньхао и начал осматривать комнату.

Комната была просто обставлена, самой ценной вещью был компьютер, стол и пол вокруг были довольно аккуратными и опрятными, без упаковок от еды на вынос и пакетов от закусок, обычных в домах игровых ботаников.

На компьютерном столе лежала перевернутая рамка с фотографией, и Минг Шу поднял ее, увидев Лонг Тяньхао, более молодого, чем он сейчас, полного энергии, в футболке команды, с

поднятыми вверх руками и большими пальцами, ярко улыбающегося в камеру.

Лонг Тяньхао вернулся после мытья рук и бросился к столу, чтобы забрать рамку, сначала крепко сжал ее в руках, а затем снова прижал к столешнице, сказав дрожащим голосом:

— Не смотрите.

— Это было, когда ты только начал играть профессионально? — спросил Минг Шу.

Лонг Тяньхао молча прижал тампон к окровавленному пальцу, который был укушен. Спирт раздражал кожу, а рана была свежей, поэтому при контакте этих двух веществ боль была неизбежна, но Лонг Тяньхао выглядел настолько оцепеневшим, что даже не нахмурился, как будто он вообще не чувствовал боли.

Был ли у него от природы высокий болевой порог?

Или он уже привык к боли?

Минг Шу некоторое время изучал его, а затем сел в игровое кресло Лонг Тяньхао. Когда он подумал о том, что этот человек чуть не спрыгнул со здания, чтобы совершить самоубийство, он неизбежно почувствовал тревогу.

— Скажи, почему ты хочешь прыгнуть со здания? Просто не хочешь больше жить?

Лонг Тяньхао закончил протирать рану и выбросил ватный тампон с пятном крови в мусорное ведро. Он посмотрел на Минг Шу и пробормотал:

— Это не твое дело, хочу я жить или нет!

Син Му хотел отругать молодого человека, но он также боялся, что Минг Шу подумает, что он лезет не в свое дело и говорит слишком много, поэтому ему пришлось сказать тихо:

— В таком юном возрасте нельзя прыгать со здания, даже если ты не хочешь жить...

Минг Шу сцепил пальцы.

— Ты хотел положить всему конец, потому что твоя травма руки трудно поддается лечению, верно?

На тыльной стороне руки Лонг Тяньхао напряглись вены:

— Это тут не при чем!

— Ты учился игре на гучжэне у Ша Чунь, думая, что, занимаясь на гучжэне, ты сможешь помочь своей левой руке восстановиться...

— Прекратите! — взревел Лонг Тяньхао.

Но Минг Шу продолжил:

— Ты сам так подумал, или тебе это кто-то сказал?

Левая рука Лонг Тяньхао была сжата в кулак, и от этого сильного движения рана на пальце разошлась еще больше, а кровь потекла по тыльной стороне руки.

Син Му боялся, что этот человек сейчас бросится на Минг Шу.

— Разве я не могу научиться играть на гучжэне только потому, что хочу? — сказал Лонг Тяньхао с искаженным лицом.

Минг Шу встал с игрового кресла и прищурившись посмотрел на Лонг Тяньхао.

— Не пробуй со мной играть в это дерьмо.

Лонг Тяньхао был ошеломлен, и враждебность на его лице исчезла.

— Ты ушел в отставку в прошлом году не потому, что был уже в возрасте, а из-за серьезной травмы левой руки, — продолжил Минг Шу, четко и выразительно выплевывая каждое слово. — Но ты не сдался, ты активно лечился и искал различные способы, с нетерпением ожидая того дня, когда ты сможешь вернуться на свое любимое поле боя.

Лонг Тяньхао открыл рот, но не издал ни звука. Его левая рука начала дрожать.

— К июню этого года ты испробовал все возможные средства, а доктор Лэй в больнице Гуанье вылечил твой палец левой руки от невозможности согнуть его до способности удовлетворять потребности нормальной жизни, но это все еще было далеко от того, чего ты хотел, — сказал Минг Шу. — Ты впал в отчаяние, поняв, что, возможно, никогда не сможешь вернуться назад. В этот момент кто-то сказал тебе, что занятия на гучжэне могут способствовать восстановлению твоей травмированной руки, и это было как спасательный круг. Этот человек также сказал тебе, что Ша Чунь из Цзянцзя Байлу очень хорошо играет на гучжэне.

В налитых кровью глазах Лонг Тяньхао внезапно появился влажный блеск.

Он не стал ничего отрицать.

— Ты с большой надеждой думал, что твоя рука действительно поправится, — продолжил Минг Шу. — Итак, в день своего рождения ты сказал своим фанатам ждать тебя.

Лонг Тяньхао слегка покачал головой. Он неразборчиво пробормотал:

— Я не знаю...

— Но после нескольких уроков ты не только обнаружил, что твоя рука не подает признаков улучшения, но и узнал, что Ша Чунь не так хороша, как ты думал — она была такой же непримечательной в своей работе, как и ты.

Лонг Тяньхао сразу же подскочил со своего места.

Минг Шу холодно заявил:

— Ша Чунь заставила тебя думать, что ты "не единственный в своем роде". И ты убил Ша Чунь.

Для неосведомленного человека это были два предложения без всякой логики, без причинно-следственной связи.

Для знающих людей это было условием падения одной костяшки домино на другую.

Реакция Лонг Тяньхао была решающей.

— О чем ты... что ты сказал? — Зрачки Лонг Тяньхао сузились, а рот открылся в недоумении.

Он был в трех шагах от Минг Шу, и аура Минг Шу была полна ледяного величия. Кусок ключицы, обнаженный под футболкой Лонг Тяньхао, поднялся и опустился, когда он сглотнул. Через полминуты он покачал головой и сказал:

— Я никого не убивал, я просто угрожал ей.

— Сядь. — В исполнении Минг Шу это слово звучало почти как команда. — Я собираюсь задать тебе несколько вопросов, и тебе лучше не обманывать меня.

Лонг Тяньхао был немного сбит с толку, но он действительно сел обратно, когда услышал этот приказ. Все его тело, казалось, замерзло, и он тихо сказал:

— Я никогда не хотел никого убивать, единственный, кто заслуживает смерти — это я. Иногда я не могу контролировать свои эмоции, но я никого не убью, я... не убью никого, даже если убью себя.

Син Му подошел к Минг Шу и, понизив голос до шепота, сказал:

— Капитан, этот человек может страдать клинической депрессией.

Минг Шу издал звук "хм" и спросил:

— Во время урока ты рассказал Ша Чунь о своем профессиональном опыте?

— Она спросила меня, почему я хочу научиться играть на гучжэн. — Лонг Тяньхао уставился на круглое пятно на полу, его взгляд немного затуманился: — Сначала я ничего не сказал, я просто сказал, что раньше был игроком, и она сказала, что может сказать, что я трудолюбив, глядя на мои руки.

— А еще то, что она тоже трудолюбивый человек, — подсказал Минг Шу.

Лонг Тяньхао выглядел удивленным.

— Как ты это узнал?

Минг Шу не ответил.

— "Трудолюбие" сблизило вас, ты перестал прятаться и начал открывать свое сердце Ша Чунь.

Лонг Тяньхао растерянно посмотрел на Минг Шу, и только через мгновение сказал:

— Я рассказал ей о травме левой руки и о своей борьбе в суб-лиге в течение многих лет. Кроме доктора Ляя, я... никогда не рассказывал об этом постороннему человеку. В то время я чувствовал, что Ша Чунь сможет понять мои чувства.

— Что она сказала тебе после этого? — спросил Минг Шу.

Лонг Тяньхао был озадачен:

— Что ты имеешь в виду?

— План, — подсказал Минг Шу.

Лонг Тяньхао нахмурил брови в еще большем замешательстве. Через мгновение он покачал головой.

— Я не понимаю.

Атмосфера в комнате, казалось, снова погрузилась в странное состояние. Минг Шу сказал:

— Поскольку ты с Ша Чунь были в довольно хороших отношениях, почему ты проявил такую враждебность, говоря о ней в прошлый раз?

— Я не чувствовал к ней никакой враждебности, я просто... — Взгляд Лонг Тяньхао стал более мрачным. — Я просто не могу контролировать свои эмоции. После того, как я некоторое время брал уроки игры на гучжэне, моя левая рука не только не стала лучше, она часто болела и снова опухала. Я понял, что никто не может спасти мою руку, она сломана, доктор Лэй не может мне помочь, и Ша Чунь тоже.

Минг Шу несколько раз прошелся перед Лонг Тяньхао, и задал решающий вопрос:

— Ты никогда бы сам не подумал, что изучение гучжэна будет полезно для восстановления твоей левой руки, кто-то ввел тебя в заблуждение и сделал твою травму еще хуже, кто этот человек?

Лонг Тяньхао не стал отрицать существование этого человека, но покачал головой:

— Я не знаю.

— Ничего страшного, если ты не знаешь как его зовут, когда и где ты его встретил? — сказал Минг Шу.

На этот раз Лонг Тяньхао долго молчал.

— Тяжело говорить об этом? — спросил Минг Шу.

— Я не смог сдержать себя и совершил очень плохой поступок, — наконец сказал Лонг Тяньхао нервно сжимая руки.

— Ты имеешь в виду угрозы доктору Лэю?

Лонг Тяньхао поспешно поднял взгляд:

— Ты уже знаешь?

— Что человек, который ввел тебя в заблуждение, был тем, кто появился после того, как ты поднял шумиху в больнице?

— ...хм, да.

Лонг Тяньхао сказал, что он действительно знал, что доктор Лэй сделал все возможное. По сравнению с тем, что было до лечения, его левая рука была в гораздо лучшем состоянии, и без доктора Лэя, он боялся, что не смог бы даже работать в качестве стримера.

Но этого было далеко не достаточно!

Его левая рука уже никогда не будет такой, какой она была до травмы. Доктор Лэй недвусмысленно сказал ему, что он не может снова играть профессионально.

— Я не знаю, кого мне винить, кажется, что никто не виноват, и когда я думаю об этом, я могу винить только себя.

Голос Лонг Тяньхао прерывался, когда он посмотрел на Минг Шу и спросил:

— Но что я сделал не так?

В этом голосе звучало отчаяние и беспомощность, а боль пронизывала каждый дрожащий кусочек.

Минг Шу почти неслышно вздохнул.

— Доктор Лэй сказал, что это потому, что в подростковом возрасте я слишком часто использовал свои руки, а теперь я не следую медицинским рекомендациям, из-за чего моя левая рука не выздоравливает.

Лонг Тяньхао покачал головой с горькой улыбкой:

— Но у меня ограниченный талант, в отличие от тех гениев. Если бы я не тренировался изо всех сил, когда был подростком, как бы я мог прославиться? Если бы я полностью отказался от игры из-за исцеления, как бы я смог вернуться? Сейчас так много талантливых новичков, что мне делать, чтобы конкурировать с ними, кроме как упорно работать? Я...

Лонг Тяньхао внезапно остановился и дрожащей левой рукой вытер слезы, которые вот-вот должны были упасть, а затем вздохнул:

— На самом деле, усердно работать тоже бессмысленно. Я тренировался, пока моя рука не

стала такой, и я до сих пор не сделал себе имя, не так ли? Я никогда не играл в высшей лиге, я был во втором дивизионе столько лет, и даже там я всего лишь игрок среднего уровня. Я позор для своих родителей. То, что моя жизнь дошла до этого момента, — это только моя вина.

Теперь они отошли от темы, но Минг Шу не стал перебивать, чтобы напомнить Лонг Тяньхао.

Через несколько минут Лонг Тяньхао испустил долгий вздох:

— Но я не осмелился признать это, я не осмелился винить себя. Я должен найти кого-то, кто возьмет вину на себя, чтобы свалить все на него. Если я этого не сделаю, как я смогу убедить себя жить дальше?

— И человеком, которого ты обвинил, был доктор Лэй, — сказал Минг Шу.

Лонг Тяньхао закрыл верхнюю половину лица и мрачно кивнул.

— Я пришел к нему в консультационную комнату и устроил сцену, вымещая на нем всю свою боль, называя его шарлатаном, обвиняя его в том, что он не может меня вылечить и разрушает мое будущее... Потом пришли охранники, прижали меня к стене, и я пришел в себя. Я думал, что они вызовут полицию, но они просто взяли с меня обещание не возвращаться в больницу и отпустили.

Главный кампус Медицинского университета города Донгье находился всего в квартале от больницы Гуанье.

Выйдя из больницы, Лонг Тяньхао некуда было идти, и он вслепую забрел в кампус медицинского университета.

— У меня осталось не так много денег, и я решил что проще умереть. В кампусе так хорошо и спокойно, и у всех есть будущее, куда они могут бежать. Я сидел на скамейке и наблюдал за ними, и решил, что когда насмотрюсь на эту идиллию, то пойду и умру, — сказал Лонг Тяньхао. — Но потом ко мне подошел человек и сел рядом. Он сказал мне, что занятия на гучжэне могут помочь излечиться от тендинита в руках, и дал мне листовку, в которой говорилось, что я должен пойти в Цзяньцзя Байлу и найти учителя по имени Ша Чунь.

Листовка Цзяньцзя Байлу.

Юй Сяочэн также отправился в Цзяньцзя Байлу после получения листовки!

— У тебя все еще есть эта листовка? — спросил Минг Шу.

Лонг Тяньхао покачал головой:

— После того, как я записался на курс, я выбросил листовку.

Син Му, который до этого молчал, наконец, не удержался и спросил:

— Почему ты так доверяешь незнакомцу?

Лонг Тяньхао посмотрел на свою левую руку и тихо ответил:

— Я доверюсь любому, у кого есть способ вылечить мою руку. — После двухсекундной паузы Лонг Тяньхао добавил: — И он... преподаватель университета.

Син Му не понимал:

— Ну и что, что он преподаватель?

Но Минг Шу понял.

Внешне Лонг Тяньхао выглядел как гангстер, но на самом деле был относительно прост, мало читал, начал профессионально играть в подростковом возрасте и почти инстинктивно восхищался высокообразованными людьми, считая, что такие люди, как университетские преподаватели и врачи, заслуживают доверия.

— Он сказал, что он учитель? — спросил Минг Шу.

Лонг Тяньхао выглядел так, будто был поставлен в тупик этим вопросом.

Минг Шу нахмурил брови:

— Он не говорил, что он преподаватель университета?

— Я думал, что да. — Лонг Тяньхао был немного взволнован: — Я встретил его в медицинском университете, ему было за пятьдесят, очень уравновешенный, седые волосы, очки, очень хорошо говорит, если не учитель, то кем еще он может быть?

Мысли Минг Шу прояснились:

— Тогда позволь мне спросить тебя еще раз, встречал ли ты этого человека потом?

Лонг Тяньхао покачал головой.

Минг Шу протянул руку.

— Дай мне свою левую руку.

Лонг Тяньхао настороженно сказал:

— Чего ты хочешь?

— Чего ты боишься?

Лонг Тяньхао колебался полдня и протянул вперед левую руку, которую Минг Шу быстро схватил, и Лонг Тяньхао резко напрягся.

— Больно? — спросил Минг Шу.

— Не очень, — прошептал Лонг Тяньхао. — Самая сильная боль уже прошла.

Минг Шу отвез Лонг Тяньхао обратно в Отдел по расследованию тяжких преступлений и немедленно приказал художнику нарисовать портрет, основанный на описании Лонг Тяньхао человека, которого он встретил. Минг Шу также попросил технических следователей извлечь записи с камер наблюдения из Медицинского университета в тот день.

Когда Юй Сяочэну показали набросанный портрет, он выглядел сбитым с толку:

— У меня нет никакого впечатления об этом человеке.

Портреты, сделанные по описаниям очевидцев, часто отличаются от реального человека, если только это не человек с очень характерной внешностью. Минг Шу и не ожидал, что Юй Сяочэн узнает человека по наброску.

Он спросил:

— Ты сказал, что выбрал Цзяньцзя Байлу, потому что получил несколько листовок от учебных заведений, и Цзяньцзя Байлу был самым близким к тебе?

Юй Сяочэн кивнул:

— Да.

— Кто дал тебе листовки?

— Я не могу вспомнить, кажется, это были студенты университета, которые подрабатывали.

— До и после посещения Цзяньцзя Байлу ты когда-нибудь замечал мужчину лет пятидесяти, который производил впечатление преподавателя университета?

Юй Сяочэн надолго задумался и покачал головой:

— Нет. Это тот человек, который убил Ша Чунь? Вы нашли зацепку?

Минг Шу нахмурил брови.

— Значит, ты попал в Цзяньцзя Байлу чисто случайно...

Это был не вопрос, но Юй Сяочэн воспринял его так, словно Минг Шу спрашивал его:

— Да, если бы был кто-то ближе, я бы, наверное, не пошел в Цзяньцзя Байлу. Я действительно ничего не делал, ребята, поверьте мне!

— Я не знаю его. — Лю Мэй отреагировала более спокойно, чем Юй Сяочэн, бросив на Фан Юаньхана недовольный взгляд, чтобы показать свое недовольство тем, что ее постоянно беспокоят.

Фан Юаньхан сказал:

— Не знаешь? По твоему выражению лица я уловил одну деталь — ты просто не знаешь его лично, но он кажется тебе знакомым.

Лю Мэй была ошеломлена на секунду. Ее удивление было очевидным, когда она сказала:

— Ты неправильно понял, я никогда не видела этого человека!

— Тогда позволь мне задать еще один вопрос.

Фан Юаньхан почувствовал, что теперь он совершенно невосприимчив к красивым женщинам, столкнувшись с такой красавицей, его сердце заколотилось, но он хотел только открыть рот красавицы и выпытать подробности, которые помогли бы решить дело:

— Ты не прояснила раньше. В городе Донгье есть много студий, которые рекламируют гучжэн как свою специальность. Только в районе Дун есть несколько курсов. Почему ты выбрала Цзяньцзя Байлу?

Лю Мэй опустила голову, ее заостренный подбородок почти растаял в тени.

— На самом деле особой причины не было, — Через минуту или около того, Лю Мэй отвела глаза и произнесла неуверенно: — Вы знаете, что я брала уроки и в других местах. Мне просто нравится народное искусство и культура. А к Цзяньцзя Байлу легко добраться, уроки проводились в удобное время, и цена была разумной.

Один за другим другие студенты Ша Чунь также прибыли в уголовный розыск для допроса.

Ван Дань и Лян Сиюэ, самые младшие и совершенно неспособные к совершению преступлений, пришли потому, что их матери выбрали место для учебы и курс. И мать Вана, и мать Ляна сказали, что они выбрали Цзяньцзя Байлу, потому что они хорошо выглядели и потому что их привлек рекламный трюк "звездного гучженщика Ассоциации исполнительских искусств".

Ситуация Хэ Цзюньчжао и Хэ Сютин была похожа на ситуацию Ван Даня и Лян Сиюэ.

Расследование продолжалось. Они копали здесь и там, пока Минг Шу, наконец, не нашел важную зацепку, подтверждающую его собственные рассуждения.

Эта зацепка исходила от Вэнь Хэ, который был за пределами страны во время смерти Ша Чунь.

<http://bllate.org/book/14859/1321928>